

КРАСКИ ЖИВЫЕ

Какую тайну знал Михаил Васильевич Нестеров?
Как увидел, как прозрел образ юного отрока,
ставшего заступником земли Русской?
Через годы все ближе становится нам его Сергей

Вел. кн.
Дмитрий у прен.
Сергия перед
Куликовской
битвой.
Миниатюра
XVI в.

Grand Prince
Dmitry visiting
St. Sergius
before the
Battle of
Kulikovo.
16th-century
miniature

М. В. Нестеров. М. V. Nesterov.
Видение отрока Варфоломею
The Vision of
Young
Bartholomew.

Одна у нас Русь

Далеко еще было до Куликова поля, не родился князь Дмитрий Иванович, прозванный Донским, не написал свою «Троицу» Андрей Рублев — на лугу, в перелеске под древним Радонежем, явилось отроку Варфоломею видение святого старца. Годы прошли — стал отрок Варфоломей Сергием Радонежским, заступником в своих молитвах за Русскую землю. А в местах тех, под Абрамцевом, под Хотьковом — шесть десятков верст от Москвы, где представил себе Михаил Васильевич Нестеров картину видения отрока Варфоломея, и ныне сыщется взгляд такой же луг, перелесок, такой же дуб с бронзовой по осени листвой, подле которого явился отроку схимник. И кажется, время не властно над этими красками осени, над этой землей...

Вот уже сто лет, как картина Нестерова находится в Третьяковской галерее. Когда-то говорили: книги имеют судьбу — каждое

поколение наново читает книги дедов, отцов. Не так ли и давняя эта картина обретает сегодня новое дыхание? Отчего и как? Да, мы скажем, образ русской природы, Русской земли, который она дает, отвечает нашему обострившемуся национальному чувству. Да, мы понимаем художника. «Как-то, — вспоминал он, — с террасы абрамцевского дома моим глазам представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные, малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить — и фон для «Варфоломея» такой, что лучше не придумаешь. Я принялся за этюд, он удался, и я, глядя на этот пейзаж, проникся чувством его подлинной историчности...» Все так, в поэтическом историзме взятого им ландшафта Нестеров явил себя как глубоко русский, национальный художник. Сама природа в

его картине — действующее лицо той далекой легенды, которую он изложил на холсте. Но с годами полнится смысл этого полотна. В картинах об отцах-пустынниках, о молитвенной тишине пред ликом природы, пред вечным творением, о страждущих и ищущих, обретающих себя в надежде и уповании, Нестеров выразил умонастроение своих лет — образ мыслей, чувствований тех, кто был привержен духовным традициям народа, кому нужна была великая Россия, а не великие в ней потрясения. В картинах «Святая Русь» и «На Руси», написанных в преддверии 1905 и 1917 годов и ставших узловыми не только в творчестве художника, но — по значимости обобщений — во всем русском искусстве начала столетия, Нестеров сполна высказал свое понимание идеи русского народа, русского духа в крутые, переломные эпохи истории.

В том огромном холсте, который художник назвал «На Руси», законченном в канун семнадцатого года, мальчик-отрок, такой, как отрок Варфоломей, предвещает шествие ко Христу, к Истине, к Вере. Шествие народа — шествие Руси. «Пока не будете, как дети, не войдете в царство небесное» — вспомните евангельские слова. Что, по мысли художника, нес в себе этот образ надежды, будущности России? А может, несет сегодня?..

В свое время, вопреки нападкам на Нестерова, продиктованным и профессиональной узостью критики, а того более неприятием самой духовности его творчества, в котором усматривали оторванный от жизни мистицизм, по-настоящему тонкие и прозорливые искусствоведы-публицисты с готовностью поддержали приверженность Нестерова идее православного мессианства на Руси. Вспомним их суждения, высказанные на заре столетия в связи

с выставкой Нестерова и кажущиеся столь бесспорными сегодня.

П. Муратов. Из статьи «Творчество М. В. Нестерова». Журнал «Русская мысль», 1907, апрель:

Творчество Нестерова поражает странным на первый взгляд противоречием. Художник далек от евангельского Христа, от Голгофы, от Пречистой Девы, от всей священной первофакти христианства... И тот же художник становится проникновенным, глубоким, когда вдохновляют его образы русских святых и подвижников. Когда храмом становятся леса осенние, куполом небо северное, тут он первый, тут его сила и любовь. Противоречие только кажущееся, на самом же деле две стороны одной сущности. Нестеров художник народный, соединенный с народом глубокими и крепкими корнями, — вот главное начало его творчества. Это и сделало его многим понятным, распространило его влияние: где-то в глубине души у посетителей выставок и галерей заговорил смутный голос, напомнил о давно забытом. Как народ, Нестеров покорно принял писание, внял церкви, подчинился уставу, признал неизбежность не им созданной легенды. И так же, как народ, творил он новые северные легенды о пустынножителях и заступниках Русской земли. Вера народная текла общей рекой в непоколебимых границах церковности, но вне берегов, там и сям в глухих чащах, забили чудесные, хрустальные родники народных поверий. Поэзия жила в лесах, гуляла с ветрами по полям и иногда вдруг воплощалась в душу деревенского отрока, вела его сквозь мирное «житие» к светлой и тихой кончине. И эти жития стали великими художественными произведениями народного жизнотворчества. Нестеров воссоздал их в живописи — святой Сергей, Зосима Соловецкий, Симеон Верхотурский, Дмитрий Царевич сияют лучистым светом старых поверий. Еще многое стоит нерушимым от дальних лет; подобно лесным озерам, хранят свою стильную красоту прочно сложившиеся уклады жизни. И Нестеров любовно и бережно касается монастырщины — «Тихой жизни», «Мечтателей», «Молчания». Там еще непочатый край, там крепко дух народный, и в нем полной рукой почерпает художник силы своего творчества.

С. Маковский. Из книги «Страницы художественной критики». Спб., 1909:

Художникам, как Нестеров, невольно прощаешь несовершенство рисунка и кисти, потому что любишь поэзию их творчества. Это тоже — поэзия чего-то большого и смутного, выходящего за грани личности. Не поэзия индивидуального вдохновения, но поэзия, говорящая о даях и озаренностях народа.

Такие художники обыкновенно лучше чувствуют, чем выражают. Надо вглядеться пристальнее в их картины, надо забыть о многом внешнем, мешающем, случайном, отдалиться на-

М. В. Нестеров.
Философы.
Портреты
П. А. Флоренского и
С. Н. Булгакова.
1917 г.

M. V. Nesterov.
Philosophers.
Portraits of
P. A. Florensky
and
S. N. Bulgakov.
1917

М. В. Нестеров.
Юность
преподобного
Сергия.
1892—1896 гг.

M. V. Nesterov.
The Green Years
of St. Sergius.
1892—1896 гг.

важдению — и тогда, тогда вдруг по-иному зацветят краски, и оживут тени, и улыбнется кто-то таинственный, «на другом берегу».

От творчества Нестерова веет этой улыбкой. Много раз, смотря на его холсты, узнавал ее — в молчании полян, поросших тонкими березками, в сумраках соснового бора, стерегущего одинокий скит, в дымно-вечереющих облаках над простором, в грустном лике послушника, в нежном профиле монахини. И я люблю его за эту улыбку. В ней — далекое и вместе с тем близкое, народное, загадочное, реальное: и христианская, отшельническая умиленность «Божьим садом», и другая, не христианская, а уходящая в глубь древнего язычества религиозность постижения мира и тайны...

Разве не так чувствует природу древняя, далекая и близкая, душа народа? Христианское, церковное, историческое сплелось в ней с первобытным, пантеистическим в одно искание, в одно радостное и страдальческое чаение.

Понимание этой сложности народной мистики, угаданной Нестеровым с нежной проникновенностью, — ключ к пониманию всей его живописи... Он интересен, когда незаметно, по наитию угадывая что-то большое и смутное в сердце народном, соединяет духовность славянского христианства с мечтой языческого обоготворения природы. Там он находит свой тон, свои светлы и краски, свою неподражаемость.

Мне нравятся картины Нестерова потому, что в них чувствуется любовь к мелодии цвета, искреннее искание оригинального стиля (пусть даже только искания), благоговение перед красотой жизни, чуждое всего временного и пошлого. Мне нравится в картинах Нестерова его нежно-субъективное отношение к тихим просторам русской деревни, благодатная грусть мистических настроений. Этой поэзии, может быть, и нет больше, но она есть эстетически — для того, кто верит в сказки прошлого.

Рубрику ведет В. Ольшевский